

А.А. Гируцкий (БГПУ, Минск)

**ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО И КУЛЬТУРНОГО КОДОВ В
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ
(на материале переводов поэмы Якуба Коласа «Новая земля» на
русский язык)**

Любой индивид проигрывает много ролей в обществе, некоторые из которых содержат в себе особые нормы языка. Такой индивид может быть описан как обладающая определенным множеством языковых кодов языковая личность. Каждый из кодов соответствует множеству ролевых отношений в различных социальных и коммуникативных ситуациях. Существует определенная корреляция между видами социальных ситуаций и ролей, выполняемых языковой личностью, и типичными выборами языкового кода, которые с ними сопряжены. При таком подходе язык понимается не как гомогенный объект, а как множество соотнесенных с ролью и ситуацией внутриязыковых и межьязыковых кодов, переключение которых осуществляется в зависимости от характера социальной роли и ситуации. При этом кодовое переключение, наблюдаемое у монолингвов в виде «стилистической» вариации, отличается лишь по степени, но не по характеру, от перехода с языка на язык у билингвов [1, с. 141-152].

Важным аспектом переключения кодов выступает отношение языка к культуре у двуязычных индивидов, поскольку наряду с вопросом об отношении одного языкового кода к другому существует отношение одной культуры к другой. Отношения между двумя культурами у билингвальных индивидов, по мнению многих исследователей, образуют также диапазон от смешанного до координативного типов. Приближение суммы культурных элементов, присущих одной этнической общности, к культуре другой, называют аккультурацией. Е.М. Верещагин выделяет следующие типы корреляций между билингвизмом и аккультурацией:

а) слабая, или начальная аккультурация – субординативный билингвизм; этот тип отношений характеризуется тем, что все новые культурные элементы и все иноязычные речевые произведения адаптированы; речевое поведение билингва на другом языке всегда оценивается как неправильное;

б) средняя, или продвинутая, аккультурация – медиальный билингвизм; характерной чертой этого типа отношений является наличие регулярно неадаптируемых новых культурных элементов или языковых форм, наличие только адаптируемых форм, а также существование целого ряда форм, адаптируемых по закономерностям вероятностного процесса;

в) полная, или конечная, аккультурация – координативный билингвизм; билингв полностью усваивает вторую культуру и второй язык, его речевое и неречевое поведение всегда правильно в первичной этнической общности и во вторичной [2, с. 132-139].

Английский лингвист Р. Белл, рассматривая проблему отношений между языком и культурой в двуязычной ситуации, выделяет шесть типов отношений и представляет их в виде следующей матрицы.

Билингвизм и бикультуризм

Код	Культура	
	Монокультуризм	Бикультуризм
Монолингвизм	+	?
Координативный билингвизм	+	+
Смешанный билингвизм	?	+

В своей матрице Р. Белл устанавливает прямую зависимость между степенью билингвизма и бикультуризма. По его мнению, первый тип отношений – одноязычно-однокультурный индивид – является нормой в человеческом обществе, а второй тип – бикультурный монолингвизм – представляется совершенно противоречащим здравому смыслу. К монокультурно-координативному билингвизму Р. Белл относит носителей языка, которые изучают другой язык в утилитарных целях – чтобы иметь доступ к технической информации на этом языке, вести исследования по теоретическим проблемам и т.п. Он также считает, что бикультурно-координативный билингвизм более вероятен в случаях, когда индивид изучил второй язык в культурно-познавательных целях (стремление узнать данный народ, туризм и т.д.), и с целью изучения литературы, истории и других аспектов культуры речевого коллектива, говорящего на этом втором языке. Бикультурно-смешанный билингвизм, по мнению Р. Белла, демонстрируют индивиды, которые одновременно усвоили два языка и две культуры – язык и культуру своей семьи и язык и культуру чужого общества; такие индивиды обладают, наряду со смешанным билингвизмом, также смешанной культурой, составленной из элементов обеих культур, слитых в единое целое [1, с. 174].

В художественной литературе внутриязыковое переключение кодов является повсеместным явлением, к которому прибегает автор произведения, чтобы отобразить многообразие персонажей и выполняемых ими социальных ролей. Межъязыковое переключение кодов в художественных произведениях также имеет место, что зависит от характера изображаемой действительности, специфики образов героев произведений, личности писателя.

Межъязыковое переключение кодов является неотъемлемой частью переводной литературы. Здесь переводчик вынужденно переключает языковые коды при переводе произведения. При этом часто в переведенный текст, руководствуясь различными целями, включает слова переводимого языкового кода. Подобная лексика представляет собой слова-переключатели не только в языковом, но и в культурном плане, поскольку такое

переключение прямо и непосредственно вводит читателя в другую культуру, представляемую переводимым автором и созданным им текстом.

Поэму Я. Коласа «Новая земля» считают энциклопедией жизни белорусского крестьянства на рубеже двух столетий. В поэме предстает мир деревенской жизни с его духовными запросами и материальными заботами, с особенностями быта, отдыха, праздников и развлечений. Такой широкий охват народной жизни определил как стилистику поэмы, так и специфику ее перевода. Переводчики, с одной стороны, должны были передать национальный дух и колорит поэмы, а с другой – сохранить в переводе особенности крестьянской субкультуры. Решению этих задач способствует употребление в переводе слов-переключателей.

Определенную часть таких слов представляет ономастическая лексика – антропонимы и топонимы. Они «привязывают» действие к определенному пространству и этносу, который это пространство занимает. Уже на первых страницах поэмы поэтизируется Я. Коласом любимый белорусский край с его одной из главных рек – Неманом. Топоним *Неман* выступает в этом случае в переводе словом-переключателем, вводящим русского читателя в белорусскую реальность. В поэме Я. Коласа *голубой* и *серебристый Неман* – это та основа, вокруг которой извечно «оплотнялся» белорусский народ, находя в нем воду и рыбу для жизни и красоты природы для духовного просветления и душевной опоры:

Прекрасен ты, но и печален,
Как наша тихая сторонка,
Где пеленой тумана тонкой,
Синея, летний зной дрожит
И даль задумчиво глядит.
И хоть измучен я тюрьмою,
Разлукой с милой стороною, –
Душой, воспрянув, оживаю,
Когда в мечтаньях озираю
Тебя, мой берег, луг искристый,
Где льется Неман серебристый
И дружной высятся толпою
Дубы, как башни, над водою [3, с. 216].

Значимыми в поэме, а следовательно, и в переводе, оказываются микротопонимы, которые сужают белорусский топос до осваиваемого и обживаемого героями-крестьянами конкретного пространства. Для них оно «мой уголок, мой кров родной!». Это названия местностей, в которых живут и действуют герои поэмы: *Заблонье, Поречье, Липово, Озерко, Сверхень, Миколавицина, Татарка, Затоки, Клин* и др. Помимо прямой номинации, они служат в поэме опозитизированным автором местным, локальным белорусским топосом, отражают любовь персонажей к тем местам, где они родились и выросли.

Названия белорусских городов *Вильно, Несвиж, Столбцы* переключают мир крестьянской субкультуры на городскую субкультуру. В

содержании поэмы раскрывается взаимодействие этих двух субкультур в конкретных исторических условиях, отношение крестьян к тогдашнему городу. Топоним *Вильно* несет в себе и яркий исторический колорит.

Этническими словами-переключателями выступают антропонимы *Михась, Антось, Алесь, Юзик, Костусь, Ганна, Геля, Зося, Базыль, Карусь, Павлюк, Казюк, Язэп, Яким, Янка, Яська* и др. В этих именах заключается не только идентификация личности, но и национальный колорит – этнический, исторический, бытовой.

Мир крестьянской субкультуры, ее временной уклад тесно связан с различными праздниками и празднествами, которые зачастую определяли сроки тех или иных сельскохозяйственных работ, отражали неразрывную связь жизни крестьянина с жизнью природы. В переводе поэмы имеется ряд переключателей-названий во многом общих для белорусских и русских крестьян праздников: *Покров, Крещение, Коляды, Пасха, Петровки*.

Переключение языковых и культурных кодов является очевидным в случае использования переводчиками в тексте поэмы собственно белорусских лексем и полонизмов: *верещака, услон, чепела, сеножать, батька, шчупак, егомость, вельможный пан, галган, цо повеш, цо потшэба, идзь до дьябла, далэм тебе* и др.

Взаимодействие белорусской и русской культур и языков имеет свои специфические черты в силу общности исторических судеб белорусского и русского народов, родства и близости систем двух языков. Наиболее ярко эта близость проявляется в использовании в переводе поэмы лексико-стилистических белорусизмов. Это своеобразный вид белорусско-русского лексического взаимодействия, когда под влиянием определенных лексических единиц белорусского языка в русской речи используются слова, которые полностью или частично совпадают с белорусскими по содержанию, но в то же время принадлежат к иным стилям или иным лексическим пластам (например, к диалектизмам). В качестве эквивалентов белорусских стилистически нейтральных лексем в русском переводе поэмы выступает русская разговорная и просторечная лексика, а также диалектизмы: *криница, хата, пригожий, хлопец, стреха, уполовник, кошиница, девчина, аж, бурак, жито, ведать, соается женка, горелка, чарка, собирать, селянин* и др. В этом случае переключаются стихии двух языков – русского и белорусского, а также двух во многом совпадающих крестьянских субкультур. При этом стилистически маркированная в русском языке лексика в своей основной массе принадлежит именно этой субкультуре.

Литература

1. Белл, Р.Т. Социоллингвистика / Р.Т. Белл. – М.: Международные отношения, 1980. – 320 с.
2. Верещагин, Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е.М. Верещагин. – М.: Изд-во Моск. Унта, 1969. – 160 с.
3. Колас, Я. Стихотворения и поэмы / Якуб Колас. Стихотворения и поэмы, пер. с белорусского. Л.: Советский писатель, 1978. – 654 с.